

- 5 Ярмусик Э.С. Указ. тв. С. 72.
 6 Гл.: Bartel O. Protestantyzm w Polsce. Warszawa, 1963. С. 33.
 7 Канфесіі на Беларусі (к. XVII-XX ст.) / В.В. Грыгор'ева, У.М. Завалюнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава; навук. рэд. У.І. Навіцкі. МН., 1998.
 8 Гл.: Я р м у с и к Э. С. Указ. тв. С. 87.
 9 Гл.: История евангельского движения в Беларуси // Крыніца жыцця. 1998. № 3. С. 17.
 10 Гл.: Баптизм и баптисты (Социологический очерк) / Ред. М.Я. Пенсу, Е.С. Прокошина. МН., 1969. С. 33.
 11 История евангельского движения в Беларуси // Крыніца жыцця. 1998. № 2. С. 32.
 12 Гл.: Дьяченко О.В. Миссионерская деятельность пятидесятнической церкви в Беларуси. Могилев, 1999. С. 35.
- Паступіў у рэдакцыю 05.04.05.

Дар'я Юр'ёна Бастун - аспірантка кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу. Навуковы кіраўнік- кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры А.Г. Кахановікі.

А. Б. ЕЛИСЕЕВ, В. И. МЕНЬКОВСКИЙ

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Анализируются различные аспекты русскоязычной историографии Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны, раскрываются особенности альтернативных подходов к освещению этой проблемы в советской историографии, исследованиях авторов русского зарубежья и современных историков.

The article gives the analysis of different aspects of the Russian historiography of the Russian Orthodox Church during the period of the Great Patriotic war. The authors consider the characteristic features of various approaches in elucidating this problem in the Soviet historiography, in the publications of the Russian foreign authors and contemporary historians.

В годы Великой Отечественной войны во всех слоях населения Советского Союза обострился гражданский и нравственный выбор. В первый же день войны с патриотическим призывом к верующим обратилась Русская Православная церковь (РПЦ). В послании Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) 22 июня 1941 г. говорилось: «Фашиствующие разбойники напали на нашу родину... Православная наша церковь всегда разделяла судьбу народа. Не оставит она народа своего и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг»¹.

Как объект исторического исследования деятельность Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны начинает рассматриваться во второй половине 40-х - первой половине 50-х гг. XX в. С этого времени формируются два подхода к изучению истории РПЦ военного периода, представленные советской историографией и историографией русского зарубежья. Вплоть до второй половины 1980-х гг. исторические дискуссии вокруг роли Московского Патриархата в годы войны характеризуются именно их противостоянием.

В рамках советской исторической науки можно выделить работы светских и православных авторов. Несмотря на это, нет оснований говорить о двух историографических направлениях, так как для тех и других характерен единый подход к общей оценке государственно-церковных отношений в СССР: только после отделения церкви от государства в 1918 г. Русская Православная церковь приобрела наиболее благоприятные условия для свободного существования за всю свою историю. Разумеется, православные историки и богословы не разделяли официально общепринятого положения о вреде религии и необходимости преодоления ее влияния на общество.

Основное внимание советских исследований было сосредоточено на патриотической позиции церкви в годы войны как центральном факторе, повлиявшем на нормализацию отношений православной церкви с Советским государством. Термин «нормализация» широко использовался в советской науке для характеристики указанных процессов². Ряд авторов рассматривали патриотизм Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны в качестве вынужденного шага. А.И. Барменков, В.В. Колобков, Ф.М. Придувалов, напри-

мер, считали, что так как основная масса верующих уже твердо поддерживала советскую власть и активно включилась в строительство нового общества, то иная позиция церкви лишила бы ее доверия верующих, что означало немедленную изоляцию церкви и ее крах³. С другой стороны, Э.И. Лисавцев в качестве доминирующего фактора для формирования патриотического курса РПЦ отмечает ее искреннее стремление к победе над врагом, подчеркивая, что религия, несмотря на это, остается антинаучным и реакционным мировоззрением⁴. Наиболее резкой в отношении патриотического курса церкви в военные годы являлась позиция В.Е. Ладоренко и А.Т. Вещикова⁵. Последний, объясняя патриотический курс церкви ее прошлой антисоветской деятельностью, писал: «...эта позиция как бы смывала с репутации церкви то пятно, каким явилась поддержка ею белогвардейцев и интервентов в период гражданской войны и отказ в помощи голодающим Поволжья в 1922 году»⁶.

Выбор позиции Русской Православной церкви в период Великой Отечественной войны нашел свое отражение в выступлениях, проповедях и посланиях высших церковных иерархов⁷. Православными исследователями фактор искренности утверждается как доминирующий без каких-либо оговорок. Так, Н. Заболотский отмечал: «Дело революции - дело родной страны и родного народа, оно - дело членов Православной Церкви. Поэтому, когда советский народ защищал в Великой Отечественной войне завоевания Октября, православные граждане внесли в общенародное дело свою долю единодушия, трудового и воинского героизма»⁸. Нормализация государственно-церковных отношений в годы войны рассматривалась как главная заслуга митрополита Сергия⁹. Притом было очень важно обозначить преемственность этого курса от Патриарха Тихона, который, стремясь к легализации центральных и епархиальных органов управления, неоднократно в конце своей жизни заявлял о лояльности церкви к советской власти и ее отказе от вмешательства в политику.

У современных исследователей не вызывает сомнения, что все послабления, полученные православной церковью в годы войны от государства, имели своей целью именно ее подключение к политике. РПЦ должна была оказать моральную поддержку Красной Армии и населению тыла, помочь в сборе материальных средств в фонд победы. Но главное ее предназначение государство видело в выполнении функции связующего звена между СССР и всем остальным миром, защитника от обвинений в преследованиях за веру в Советском Союзе.

Оценивая патриотическую деятельность церкви - сбор средств на нужды фронта, создание танковой колонны имени Дмитрия Донского и военно-воздушной эскадрильи имени Александра Невского, послания и проповеди с призывами к сопротивлению врагу, официальные светские историки подчеркивали, что было бы ошибкой переоценивать ее значение в достижениях победы. Победа в войне - это заслуга не церкви, решающую роль здесь сыграл общественный и государственный строй СССР¹⁰. Вместе с тем А.И. Барменков добавлял, что Советскому государству «...не было безразлично поведение духовенства во время войны»¹¹.

Работы представителей русского зарубежья по занятым авторами позициям абсолютно противоположны советским исследованиям. Период Великой Отечественной войны большинством эмигрантских авторов включается в рамки «критического подхода». По их мнению, выбор поддержки Советского государства в борьбе с фашистскими захватчиками не был для церкви однозначным. Альтернативой ей могла быть нейтральная или вовсе антисоветская позиция РПЦ. Это было бы своего рода расплатой за потери, понесенные церковью за годы советской власти. Такие исследователи, как А.А. Боголепов, Д.В. Константинов, В. Степанов (Русак), видели главную причину патриотического курса РПЦ в боязни перед новыми репрессиями, которые могли бы возобновиться после войны¹².

Авторов русского зарубежья также интересовали стремления советского государства к нормализации отношений с православной церковью. В.И. Алексеев и Ф.Г. Ставру, называя изменения в положении РПЦ в годы войны «религиозным НЭПом», считали, что главной причиной этого пересмотра было возрождение религиозной жизни на оккупированных территориях СССР¹³. Германская администрация занятых территорий действительно имела планы по поддержке

религиозного движения, но только как враждебного советской власти. Например, в 1941 г. в Минской епархии было открыто 120 церквей¹⁴. В целом же на всех оккупированных территориях за три года открылось, по оценке М.В. Шкаровского, 9400 храмов¹⁵. Если учесть, что на 1 июня 1945 г. на всей территории СССР действовало 10 243 церкви¹⁶, то масштабы религиозного возрождения в оккупированных областях представляются действительно весьма значительным фактором, имевшим влияние на советское руководство.

В историографии русского зарубежья определенное распространение получило мнение, согласно которому изменения государственно-церковных отношений в военный период объясняются также тем, что «...за жизнь в атеистическом государстве народ воевать отказался»¹⁷. Такая точка зрения не представляется убедительной, она скорее соответствует иллюзорному представлению русскоязычных зарубежных авторов о положении в СССР. Многие из них в своих работах отталкивались от необоснованного тезиса о том, что большинство населения Советского Союза не поддерживало существующий в стране строй и желает его смены. Такая позиция зарубежных исследователей соответствовала общему курсу Русской Православной церкви за границей, который носил ярко выраженный политический антисоветский характер.

Глава Карловацкого Синода митрополит Анастасий (Грибановский) неоднократно во время войны открыто выступал против Советского Союза. Характеризуя такую позицию, С.В. Троицкий справедливо писал, что «...не только митрополит Анастасий, но и вся карловацкая организация, следуя за своим вождем, во время страшной борьбы нашей родины с грозным врагом, была на стороне этого врага»¹⁸. Так, 13 июля 1941 г. президенту США Ф.Д. Рузвельту было направлено письмо, подписанное в числе других и одним из руководителей Карловацкого Синода архиепископом Виталием, в котором говорилось, что «...русские не будут добровольно сражаться за Сталина» и помощь Соединенных Штатов Советскому Союзу в борьбе с Германией будет расцениваться ими как попытка «...продлить агонию... горестного существования под красным игмом»¹⁹. В работе «Русская Православная Церковь в Северной Америке» это письмо характеризовалось как «глубоко патриотическое и мудрое»²⁰. И. Андреев высказывал по поводу патриотизма церкви спорную точку зрения о том, что если бы руководство РПЦ в лице митрополитов Сергея (Страгородского) и Алексия (Симанского) не поддержало советскую власть, то последняя вынуждена была бы пойти на большие уступки «чистой и бескомпромиссной Церкви»²¹.

Большое внимание зарубежные эмигрантские авторы уделяли позиции Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергея, ставшего 8 сентября 1943 г. Патриархом Московским и всея Руси. Его деятельность характеризовалась в основном негативно, неоднократно он назывался исполнителем заданий И.В. Сталина²². Избрание Сергея Патриархом рассматривалось ими как не каноничный акт, носящий политический характер. Г. Граббе отмечал, что Сергей как «поставленный» советской властью «был не Патриархом, а лжепатриархом»²³.

Современная историография отношений Русской Православной церкви и советского государства в период Великой Отечественной войны характеризуется разнообразием подходов к проблеме. Те новые возможности, которые появились у историков с конца 1980-х гг., обеспечили к настоящему времени наличие работ, раскрывших многие ранее неизвестные моменты истории РПЦ в годы войны.

На рубеже 80-х - 90-х гг. XX в. историки В.А. Алексеев и М.И. Одинцов впервые познакомили общественность с максимально полным содержанием исторической встречи 4 сентября 1943 г. высших иерархов РПЦ с И.В. Сталиным в Кремле²⁴. В.А. Алексеев предположил, что улучшение взаимоотношений с Русской Православной церковью было необходимо для сплочения всех антифашистских сил и связывалось с первой встречей лидеров стран антигитлеровской коалиции в Тегеране, на которую И.В. Сталин возлагал надежды по открытию «второго фронта». Накануне конференции в Советский Союз прибыла делегация Англиканской церкви, которую, по мысли И.В. Сталина, должно было бы принять высшее руководство Православной церкви во главе с Патриархом. «Это одно отвело бы многие обвинения СССР за крайне сложные взаимоотношения с церковью»²⁵. Действительно, с делегацией Англиканской церкви во главе с архиепископом Йоркским С.Ф. Гарбетом неоднократно встречался новоиз-

бранный Патриарх Сергий. В конце последней встречи 27 сентября 1943 г. Гарбет сказал Сергию, что если его будут спрашивать, есть ли в СССР «свобода отправления религиозного культа», то он будет всем отвечать, что «безусловно, да»²⁶. Полноту и значение внешнеполитического фактора в пересмотре политики в отношении РПЦ показали в своих монографиях также историки О.Ю. Васильева и М.В. Шкаровский²⁷.

Ряд современных исследователей высказывают спорное предположение о том, что истоки наступивших в жизни РПЦ в период войны перемен нужно искать в религиозности И.В. Сталина. На основании анализа сталинских работ и выступлений, воспоминаний о нем, В.Т. Ефимов пришел к выводу о существенном влиянии православия на внутренний мир И.В. Сталина²⁸. Неудачное начало войны, осознание огромной ответственности еще более увеличили его православное мировосприятие. Еще в начале 1990-х гг. Д.А. Волкогонов, объясняя рассматриваемые процессы личными качествами И.В. Сталина, его стремлением к неограниченной власти, отвергал какую-либо возможность активизации религиозности у И.В. Сталина²⁹. Прагматическими расчетами, а не религиозностью объясняет позицию И.В. Сталина в отношении РПЦ М.В. Шкаровский³⁰.

Представляет интерес интерпретация позиции РПЦ в годы Великой Отечественной войны современными православными историками. Смысл ее сводится к тому, что внутренне православная церковь была отрицательно настроена по отношению к советской власти, используя в публичной деятельности «метод иносказания и намека»³¹. Например, В. Цыпин указывает, что в послании Патриарха Сергия 7 ноября 1943 г. есть упоминание о «богоданном вожде», но его имя прямо не названо. «Богоданными в России называли монархов, и об этом в России еще помнили», - пишет В. Цыпин³². Таким образом, автор считает, что в столь завуалированной форме Сергий намекал на необходимость восстановления монархии в России. Однако такое послание Патриарха скорее исключение, в других многочисленных посланиях он, а затем Патриарх Алексий неоднократно прямо называют И.В. Сталина «богоданным», «богоизбранным вождем».

В последние годы в историографии формируется комплекс работ, посвященных отдельным проблемам истории РПЦ военного времени: изменению структуры управления церковью в 1941-1945 гг., анализу ее правового положения, возрождению духовного образования, истории отдельных епархий³³. В рамках современных научных исследований стало возможным устранение идеологических разногласий. Вместе с тем большое значение для понимания проблемы имеют предшествующие наработки историков. Комплексное изучение историографического материала позволяет получить наиболее полное и объективное представление о деятельности Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны, о ее роли и месте в достижении победы.

¹ Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война: Сб. цек. док. М., 1943. С. 3-4.

² См.: Барменков А.И. Свобода совести в СССР. М., 1979. С. 122; Куроедов В.А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1982. С. 85; Лисавцев Э.И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1971. С. 201; Уткин Г.Т. Православие: краткий исторический очерк русской православной церкви и ее современного состояния. М., 1961. С. 23.

³ См.: Барменков А.И. Указ. соч. С. 117; Колобков В.В. Наследие вековой тьмы. (Критика современного русского православия). Киев, 1962. С. 40, 50-51; Придувалов Ф.И. Приспособленческие тенденции в идеологии современного православия в СССР // Критика религиозной идеологии. М., 1961. С. 13.

⁴ См.: Лисавцев Э.И. Указ. соч. С. 263-266.

⁵ См.: Ладоренко В.Е. К вопросу об изменении политической ориентации Русской православной церкви. (1917-1945) // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1964. Вып. XII. С. 106-123; Вещиков А.Т. Война и вера // Наука и религия. 1973. № 1. С. 24-29.

⁶ Вещиков А.Т. Указ. соч. С. 27.

⁷ См.: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война...; Патриарх Сергий и его духовное наследие. М., 1947; Алексий. Слова, речи, послания, обращения, доклады, статьи. (1941-1946). М., 1948; Николай. Слова, речи, послания. Т. 1. 1941-1946. М., 1947.

⁸ Заболотский Н. Русская православная церковь в новых социальных условиях // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 7. С. 34.

⁹ См.: Васильев А. Положение русской православной церкви в СССР // Журнал Московской Патриархии. 1958. № 1. С. 42; Глухов Н.А. Патриарх Сергий и его деятельность // Журнал Московской Патриархии. 1967. № 3. С. 68-69.

¹⁰ См.: Вещиков А.Т. Указ. соч. С. 27; Корзун М.С. Русская православная церковь. 1917-1945. Изменение социально-политической ориентации и научной несостоятельности вероучения. Мн., 1987. С. 103.

- 12 См.: Боголепов А. А. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен, 1958. С. 23; Константинов Д. В. Гонимая Церковь. Русская Православная Церковь в СССР. Нью-Йорк, 1967. С. 36; Степанов В. Свидетельство обвинения. М., 1993. Т. 1. С. 182-183.
- 13 См.: Алексеев В. И., Ставру Ф. Г. Русская Православная Церковь на оккупированных немцами территории // Русское Возрождение. 1980. № 11. С. 94-95.
- 14 См.: Силова С. В. Крестный путь. Православное духовенство Белоруссии в годы Великой Отечественной войны. Мн., 2004. С. 20.
- 15 См.: Шкаровский М. В. Русская Православная церковь при Сталине и Хрущеве. (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах). М., 2000. С. 183.
- 16 См.: Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 215, 398.
- 17 Аксютин В. Атеистическая идеология. Государство. Церковь // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991. С. 228.
- 18 Троицкий С. В. О неправде Карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей». Париж, 1960. С. 100.
- 19 Русская Православная Церковь в Северной Америке. Историческая справка. Джорданвилль; Нью-Йорк, 1954. С. 90.
- 20 Там же. С. 184.
- 21 Андреев И. Благодатна ли советская церковь? // www.romantas.ru/content/andreev.htm
- 22 См.: Там же; Боголепов А. А. Указ. соч.; Русская Православная Церковь в Северной Америке... С. 94.
- 23 Граббе Г. Русская Церковь перед лицом господствующего зла // www.catacomb.org.ua/modules.php?name=pages&go=pages&pid=408
- 24 См.: Алексеев В. А. Неожиданный диалог // Агитатор. 1989. № 6. С. 41-43; Одинов М. И. Другого раза не было // Атеистические чтения. 1989. Вып. 19. С. 8-9; Он же. И. Сталин: «Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства» // Диспут. 1992. № 3. С. 142-158.
- 25 Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. М., 1991. С. 336-337; Он же. Штурм небес отменяется: Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. М., 1992. С. 42.
- 26 См.: Русская православная церковь стала на правильный путь. Докладные записки председателя Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР Г. Г. Карпова И. В. Сталину. 1943-1946 гг. // Исторический архив. 1994. № 3. С. 143.
- 27 См.: Васильева О. Ю. Русская Православная церковь в политике Советского государства в 1943-1948 гг. М., 2001; Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 284-305.
- 28 См.: Ефимов В. Т. Православие в душенастрое Сталина. М., 2001.
- 29 См.: Волкогонов Д. А. Сталин и религия // Наука и религия. 1989. № 2. С. 10-11.
- 30 См.: Шкаровский М. В. Русская православная церковь // Война и общество. М., 2004. С. 200.
- 31 Страж дома господня. Патриарх Московский и всея Руси Сергей (Страгородский). М., 2003. С. 812.
- 32 Цыпин В. История Русской Православной Церкви. 1917-1997. М., 1997. С. 303.
- 33 См.: Якунин В. Н. Укрепление положения Русской православной церкви и структура ее управления в 1941-1945 годы // Отечественная история. 2003. № 4. С. 83-93; Он же. Возрождение духовного образования в СССР в годы Великой Отечественной войны // Alma mater. 2002. № 6. С. 48-51; Шкаровский М. В. Петербургская епархия в годы гонений и утрат. 1917-1945. СПб., 1995.

Поступила в редакцию 08.04.05.

Алексей Борисович Елисеев - студент 4-го курса исторического факультета.

Вячеслав Иванович Меньковский - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России.

А. П. САЛЬКОВ

«ПРОЦЕНТНОЕ СОГЛАШЕНИЕ» ЧЕРЧИЛЛЯ - СТАЛИНА (октябрь 1944 г.) И ПРОБЛЕМА ЗАПАДНОЙ ФРАКИИ

Исследуются болгаро-греческий национально-территориальный конфликт в Западной Фракии, принципы и способы территориального урегулирования в Восточном Средиземноморье. Оцениваются роль и национальные интересы СССР, значение «Процентного соглашения» Черчилля - Сталина.

The article analyses the national territorial conflict in West Thrace between Bulgaria and Greece, the ways and principles of territorial adjustment in the East Mediterranean area, the role and interests of the Soviet Union, the significance Churchill - Stalin «Percentage agreement».

Западная Фракия - спорная болгаро-греческая территория на северном побережье Эгейского моря в междуречье Месты (Нестоса) и Марицы (Эброса, Мерица), ограниченная с севера грядой Западных Родоп с преимущественно болгарским и турецким населением. С запада она граничила с Эгейской Македонией - греческой частью исторической Македонии, разделенной в 1913 г. между Сербией, Грецией и Болгарией, с востока - с европейской Турцией (Восточной Фракией). Край располагал лишь мелкими портовыми городками (Дедеагач, Макри, Порто-Лагос), но он был стыком пространственно-политических воззре-